

«ЧУДЕС В ТЕАТРЕ НЕ БЫВАЕТ...»

На этот раз заседание клуба интересных встреч «Молодого целинника» проходило сначала в зрительном зале краевого драматического театра, затем в редакции газеты. Нашими гостями были актеры театра имени Моссовета народный артист СССР Николай Дмитриевич Мордвинов и Ия Сергеевна Саввина.

— Я никогда не собирался быть актером, — начал рассказ о своем творческом пути Н. Д. Мордвинов, — литература, физика, машиностроение — вот что увлекало меня. Рос в деревне, потом в небольшом городке, всего три тысячи населения. И до 23 лет не видел настоящего театра...

1920 год. Голод, разруха. Время тяжелейшее. Из двухсот красноармейцев нашлось только двое, умеющих читать бегло. И меня взяли в театр... суфлером. Потом мне стали доверять небольшие роли. Но всерьез еще о театре не думал. После армии пробовал поступить в Нижегородский политехнический, затем в Казанский университет. Начал было даже учиться в университете. И тут только впервые понял, что театр мне больше по душе.

«Учиться, так учиться в столице», — решил я и поехал в Москву. Ни родственников, ни знакомых там. Жил, ночевал, где придется. Пока вдруг не встретил земляка. Он посоветовал поступить в училище им. Луначарского.

Конкурс — шестьсот заявлений на двадцать мест. И все же прошел. Но некоторое время спустя мне говорят: «Мордвинов, вам лучше бухгалтерией заняться!»

Я был глубоко потрясен этим. К счастью, приятель посоветовал мне обратиться к Ю. Завадскому, который организовывал частную студию.

Вступительное собеседование, на котором присутствовали Завадский, Абдуллоев, Плятт, Хмелев, завалил. Все было, как в тумане. Стихотворение «К мечтателю» переврал, перепутал строчки (только в испорченной кибернетической машине может случиться такое!) Прозу и басню прочел тоже скверно. Но чем-то я, видимо, приглянулся Завадскому, и он попросил меня — остаться.

Разговор был долгим. Я рассказал ему о себе все. И когда Юрий Александрович спросил, что же влечет меня в театр, я сказал:

— Мне хочется выйти на сцену. Обнять весь зрительный зал. Смеяться с ним и плакать...

В итоге Ю. Завадский сказал: «Я думаю, в училище имени Луначарского в вас ошиблись» и принял сразу во второй курс...

...Первой моей ролью, о которой заговорила вся Москва, была роль контрреволюционера Соболевского («Простая вещь» Лавренева).

Тут я хлебнул такого горя, таких мук, что и передать трудно. Дело в том, что я и в глаза не видел ни одного кадрового офицера царской армии. А это был потомственный дворянин, получивший образование в Сорбонне, прекрасно знающий искусство, литературу, человек с изысканными манерами. Это — матерый враг Советской власти, лютой ненавистью ненавидящий народ, считающий, что «из 140 миллионов имеют право на жизнь лишь 2—3 миллиона...»

Работали над ролью с Хмелевым и Завадским днями и ночами.

Я курю, как Соболевский.

Я ем, как Соболевский.

Пытаюсь ходить, как Соболевский. Но, несмотря на все мои муки, нет образа, и все! Организм был настолько мобилизован, что даже во сне я видел целые сцены и продолжал работать над ролью...

Котом вдруг какая-то малая капелька — и потекло все через край. Наконец, у меня и походка, и речь, и взгляд — все, как у настоящего офицера «белой кости, голубой крови»...

Образ получился страшноватый. На первом представлении трое бывших подпольщиков упали в обморок. На втором из зала кричат: «Белая сволочь!» На третьем — один командир вдруг, не выдержав, крикнул: «Батальон! За мной!» И вооруженные солдаты ринулись через рампу...

Один человек, чудом вырвавшийся из плена, «опознал» во мне офицера, который пытал его...

Так же тяжело дался мне Мурзовецкий в «Волках и овцах». Это была не работа, а мука одна. И родился образ, наконец, от случайной встречи с одним человеком. Маленький смешок стал той каплей, которая переполнила чашу...

...Одним словом, чудес в театре не бывает. Все решает работа, работа, работа! Позднее, когда я снимался в фильмах «Богдан Хмельницкий», «Маскарада», «Котовский», «В горах Югославии» и других, я уже не испытывал тех огромных творческих мук, которые были у меня в работе над первыми театральными ролями.

...Съемки «Маскарада» были упорительно хороши. Я люблю, когда роль доставляет удовольствие, наслаждение. И я снимался

здесь с огромным упоением, увлечением, но и с огромной отдачей. Всю мою любовь к Лермонтову, всю мою ненависть к Николаю I попытался вложить я в образ Арбенина...

— Как случилось, что вы изменили журналистике и стали актрисой? — с этого вопроса начался наш разговор с Ией Сергеевной Саввиной.

— А я и не думала изменять, — улыбнулась она в ответ, — во-первых, я окончила факультет журналистики МГУ, во-вторых, я выступаю на страницах прессы со статьями о театре и кино...

В отличие от пути Николая Дмитриевича, мой путь, по которому я сделала лишь самые первые шаги, начался более легко. Я играла в студенческом театре МГУ. Мне очень повезло, что моим первым учителем ока-

зался Ролан Быков, поставивший пьесу П. Когоута «Такая любовь».

Спектакль этот стал большим событием в театральной жизни Москвы. О нем писали в «Вечерней Москве», «Московской правде», «Советской культуре», «Комсомолке», «Правде». Не было такого печатного органа в столице, который бы не опубликовал рецензию на «Такую любовь». (Кстати, роль «человека в мантии» в нем играл муж Саввиной — доктор технических наук В. Шестаков — В. Б.).

Спектакль имел небывалый не только для самодеятельного, но и для профессионального театра успех. Достаточно сказать, что он не сходит со сцены вот уже пять лет!

Сразу после первых спектаклей посыпались предложения на съемки в кино. На 13-м предложении я не устояла и снялась в пробах к фильму Воинова «Солнце светит всем». Проба получилась замечательной, но...

На один из спектаклей «Такая любовь» попал Баталов и сразу же сообщил в Ленинград кинорежиссеру Хейфицу, что нашел актрису, которая может сниматься в «Даме с собачкой»...

Съемки с такими мастерами, как Баталов, Хейфиц, стали для меня огромной школой.

— Думаете ли вы и впредь сниматься в кино?

— За последний год я прочла 90 сценариев. И с грустью убедилась, насколько трудно найти роль, которая была бы по душе актеру. Сейчас мне предлагают сниматься в пяти фильмах. Боюсь, что ни в одном из них вы не увидите меня...

— А каковы ваши журналистские планы?

— Думаю написать статью в «Правду» о творческой связи старого и молодого поколения советских актеров. Думаю еще серьезно заняться искусствоведением, поступать в аспирантуру. Кто знает, может, быть, это поможет мне в работе над новыми ролями.

Вл. БАРАЕВ.

На снимке: Ия Саввина и Н. Д. Мордвинов в пьесе И. Штока «Ленинградский проспект».

Фото И. Нарышкова.

Молодой целинник
г. Целиноград

30 АПР 1964